

УДК 93/94(47). 084.6
DOI 10.17223/19988613/44/3

Г.Г. Корноухова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД СТАЛИНИЗМА

Рассматривается роль Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в проблеме обеспечения научно-техническими кадрами научных и высших учебных учреждений в эпоху сталинской модернизации довоенного периода, анализируется трансформация структуры системы аттестации научных и научно-педагогических кадров, устанавливается соотношение идеологического и научно-практического компонентов в работе членов ВАК. Автор приходит к выводу, что для советской системы аттестации научно-педагогических кадров в первые годы ее существования не была характерна строго централизованная структура, которая начала формироваться во второй половине 1930-х гг. В период 1933–1935 гг. в ее функционировании заметным было присутствие общественно-научного компонента, отсутствовала и явно выраженная функция идеологического контроля за наукой, уступая место практической задаче обеспечения научных и высших учебных заведений необходимыми специалистами.

Ключевые слова: Высшая аттестационная комиссия; сталинизм.

Существующая в настоящее время система аттестации научных и научно-педагогических кадров является предметом обсуждения с точки зрения ее модернизации, в рамках которой речь заходит также и о лишении Высшей аттестационной комиссии его нынешних функций, передав право присваивать степени и звания ведущим отечественным вузам. ВАК при этом рассматривается как наследие тоталитарной системы, осуществлявшей в СССР идеологический контроль за наукой и в современной демократической России, воспринимающей как лишней, переживший свое время механизм [1]. В качестве же примера для подражания предлагается западноевропейская модель аттестации [2].

Вероятно, более близкое знакомство с историей деятельности ВАК позволит лучше понять значимость ее существования для современного общества и даст ответ на вопрос, в какую сторону необходимо осуществлять реформирование ныне существующей системы аттестации, актуальность чего, действительно, является очевидной.

В отечественной историографии советского периода история ВАК затрагивалась в рамках истории подготовки научных и научно-педагогических кадров [3–5].

Современные исследования уже не имеют подобной ориентированности, но, к сожалению, большинство из них по-прежнему не содержит научного анализа, ограничиваясь фактографическим освещением нормативной базы присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий [6–9]. Заметным исключением в этой связи являются работы А.С. Сониной, В.С. Парсамова и А.В. Шалаевой, пожалуй, первыми приступивших к научно-историческому изучению деятельности ВАК. В.С. Парсамов и А.В. Шалаева, рассматривая работу ВАК в 1930-е гг., обращают внимание на необходимость осуществлять изучение нормативных актов, касающихся научной аттестации в контексте политической истории страны. Они показывают, что ВАК с самого начала была задумана не только как структура, присваивающая ученые степени и звания, но и как ме-

ханизм управления наукой со стороны государства [10]. А.С. Сонин, анализируя деятельность комиссии в послевоенные годы, говорит о ВАК как об идеологическом фильтре, представлявшем собой «последний рубеж обороны от идеологической и политической крамолы» в случае, если сомнительные в идейном плане диссертации все же принимались к защите учеными советами [11. С. 63].

В настоящем исследовании также будет затронута проблема присутствия идеологического компонента в принятии решений ВАК и влияния политического фактора на характер ее деятельности. Однако, помимо этого, в работе будет рассмотрен материал с целью определения роли ВАК в процессе сталинской модернизации страны, что в современной историографии еще не получило своего освещения.

Проблема модернизации довоенного периода сталинизма осложнялась тем, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. развернулись массовые репрессии против «буржуазной» научной интеллигенции, по отношению к которой правительство выражало недоверие [12. С. 146–162, 462–475]. В результате в стране искусственно был создан острейший кадровый дефицит в вопросе обеспечения научных и высших учебных заведений необходимыми специалистами. Этот количественный недостаток, помимо прочего, вызвал необходимость отказаться от начатой в 1930 г. практики разукрупнения вузов и, напротив, приступить к частичному слиянию нескольких учебных заведений в одно. В 1932 г. Нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе передал служебную записку следующего содержания: «Секретно Председателю СНК тов. Молотову. Сообщаю Вам, что слияние Горного, Машиностроительного и Химического институтов в один ВТУЗ вызвано необходимостью обеспечения их материальной базой и профессорско-преподавательскими кадрами, на основе новых программ, общих для первых курсов всех трех ВТУЗов. Каждый институт в отдельности испытывает острую нужду в профессорских кадрах, причем не только в области специальных дисциплин. Но в осо-

бенности в области общенаучных и технических. Таким образом, объединение этих вузов, бесспорно, значительно смягчает этот недостаток» [13. Л. 37].

Кафедры многих вузов «оголились», и необходимо было в срочном порядке обеспечить их новыми кадрами. Между тем существовавшая система аттестации явно не справлялась со стоявшей задачей. В начале 1930-х гг. вопрос присвоения званий находился в ведении квалификационных комиссий наркоматов. Однако если звание доцента они утверждали самостоятельно, то в отношении звания профессора ими давалось лишь заключение, которое направлялось на утверждение во Всесоюзный комитет по высшей технической школе (ВКВТШ) ЦИК СССР под председательством Г.М. Кржижановского, переименованный 17 октября 1933 г. во Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (ВКВТО) при ЦИК СССР. Он осуществлял общее руководство высшим техническим образованием и контроль за качеством подготовки высших технических кадров по отношению ко всем высшим учебным заведениям Союза ССР как союзной, так и республиканской подчиненности [14. Л. 53]. Однако за неимением специально созданного подразделения направленные квалификационными комиссиями дела здесь откладывались, оставаясь без рассмотрения. Для осуществления работы, связанной с научной аттестацией кадров высшей школы, при президиуме ВКВТО была создана Высшая аттестационная комиссия под председательством Г.М. Кржижановского, первое заседание которой состоялось 13 октября 1933 г. Отметим, что ВАК с этого момента не превращалась в монопольную организацию по присуждению степеней и званий. Помимо нее это могли также делать более 50 организаций, из них 25 имели право присуждения докторской степени и звания профессора [10. С. 18].

Фраза о направленности ВАК на обеспечение «потребности промышленности в кадрах» была зафиксирована уже в «Протоколе № 1 заседания Высшей аттестационной комиссии Комитета по ВТО при ЦИК СССР от 13 октября 1933 г.» [15. Л. 5]. Она была сказана председателем Комиссии Г.М. Кржижановским, который сам имел к ней прямое отношение, являясь в 1921–1930 гг. руководителем Госплана и приняв участие в составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. При дальнейшей работе проблема кадрового дефицита была основным лейтмотивом обсуждений участников заседаний ВАК. При этом качественный состав кандидатов нередко был недостаточно высок для присуждения им профессорского звания. Это обстоятельство ставило членов комиссии перед дилеммой — делать уступки объективной необходимости в вопросе пополнения профессорского состава или придерживаться принципиальной позиции и требовать от кандидатов выполнения всех условий, предусмотренных для присуждения звания и присвоения степени.

В частности, сложная ситуация существовала в сфере развития отопления и вентиляции. Г.М. Людвиг

констатировал, что со смертью профессоров Чаплыгина и Кочкарева в стране вообще не осталось специалистов в этой области, и при составлении планов и программ приходится «ограничиваться ассистентами и доцентами». В ходе заседания ВАК возникло решение обратиться в Наркомтяжпром с заявлением, что в Союзе нет соответствующих специалистов и, может быть, следовало бы их импортировать [16. Л. 12, 14].

В сложившихся обстоятельствах кандидат на профессорское звание Б.М. Аше рассматривался как единственный возможный претендент, несмотря на его, по общему признанию, скромные научные изыскания. «Действительно, крупных специалистов в этой области нет и может быть. Аше является из них самым крупным, как это может быть не печально, — выразил мнение большинства членов комиссии Б.Г. Галеркин. — Поэтому, так как он единственный, на которого можно опереться, то приходится его утвердить» [Там же. Л. 13]. Позицию сторонников бескомпромиссных членов Комиссии выразил Я.Н. Шпильрейн, внесший свое предложение: «Мне кажется, что если такая область не имеет по Союзу достаточно авторитетного руководителя, это, однако, не может служить основанием, что мы человека недостаточно квалифицированного утвердили в звании профессора. Можно присоединить эту дисциплину к другой родственной кафедре и на это время иметь доцента, который потом вырастит» [Там же].

Сложность вопроса заставила членов комиссии отказать от немедленного принятия решения и отложить обсуждение кандидатуры Аше до получения дополнительных отзывов. Одновременно было принято постановление «обратить внимание Президиума ВКВТО и Наркомтяжпрома на отсутствие работников по данной специальности.

В ходе обсуждения проблемы члены комиссии попытались разобраться в истоках сложившейся ситуации. В результате пришли к выводу, что в то время, «когда происходило деление механического и строительного институтов, то кафедра отопления и вентиляции из механического была изъята, а в строительном этого нет. Поэтому не вырастают новые люди. Потому что нет ни лабораторий, ни институтов. Строители все-таки интересуются другим вопросом — они интересуются строительной частью приспособлений отопления к небольшим агрегатам, а объединяющей кафедры сейчас нет» [Там же. Л. 14]. Следовательно, предложение Я.Н. Шпильрейна при таком разборе проблемы выглядело ошибочным, и очевидной становилась необходимость создания именно отдельной кафедры по специальности «отопление и вентиляция».

При присвоении профессорского звания комиссия обращала внимание на соответствие сферы научных интересов кандидата специальности кафедры, на которой он работал и по ходатайству которой его дело было направлено на рассмотрение в ВАК. Показательным является случай В.Н. Кузнецова, представлявшего ка-

федру гидравлики, но при этом все его работы были связаны с математической областью. «Даже когда он написал работу о задачах гидравлики – “О фильтрующем слое грунта”, – констатировал И.И. Куколевский, – то он сразу же переводит инженерные соображения в математическую часть работы... Но для кафедр гидравлики там ничего нет».

Таким образом, работы В.Н. Кузнецова по общему признанию членов Комиссии были лишены практического уклона. Однако мнения разделились по вопросу о том, стоит или нет удалять кандидата профессорского звания. Часть из них выступала за положительное решение вопроса и настаивала на том, что если в научном отношении эти работы солидные, то кандидата нельзя лишать звания профессора только потому, что они не имеют практического уклона. Другая часть, представлявшая большинство, отстаивала подход, при котором обязательным является рассмотрение кандидата на фоне того учебного заведения, в котором он работает. В случае с В.Н. Кузнецовым «...мы имеем такой уклон, – указывал А.Д. Архангельский, – что когда он даже пытается решить совершенно практическую задачу, то уходит только в математические рассуждения. Такой человек едва ли пригоден для того, чтобы работать в таком практическом институте, как институт водного хозяйства и мелиорации» [17. Л. 15].

Примиряющим стало решение Г.М. Кржижановского отправить запрос в «Свирьстрой» инженеру Графтию на предмет того, были ли им практически полезны расчеты В.Н. Кузнецова [Там же].

Что касается идеологического компонента в работе комиссии, то очевидным является его слабое присутствие на начальном этапе деятельности ВАК. Здесь необходимо указать на то, что в ВАК первого состава не присутствовали специалисты по гуманитарным дисциплинам и она не занималась присвоением званий по социально-гуманитарным наукам, которые в наибольшей мере предполагали идеологический контроль. Эта практика была введена только с 1938 г. и сопровождалась включением в состав ВАК представителей исторической науки Б.Д. Грекова и специалиста по литературе А.М. Еголина. До наступления этого момента для присвоения звания в данной научной области инструкции Комитета по высшему техническому образованию ЦИК СССР о порядке применения Постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. была предусмотрена уполномоченность квалификационных комиссий наркомпросов союзных республик, Президиума Академии наук СССР (и академий наук Союзных республик), Президиума Комакадемии [18].

Что касается технических наук, то их идеологическая составляющая не столь существенна, но даже если члены ВАК с ней сталкивались, то она, очевидно, не была решающей при утверждении кандидатуры.

Показательным в этом смысле может быть пример В.Н. Старовского, выдвинутого от кафедры статистики.

При рассмотрении его дела сразу же возникли вопросы, связанные с отсутствием серьезных научных публикаций. Анализ списка работ произвел А.М. Беркенгейм: «В этом случае мы, наконец, видим список трудов, но тут такое курьезное обстоятельство: трудов 15, но, например, № 5 и № 7 – это буквально одно и то же – “О материалистическом оформлении индексных показателей”». Дальше еще есть повторение того же самого. Дальше № 6 “Разбор работы Фишера” – какая же это научная работа? “Лекции по статистике заочных курсов”. Там ведь всякую дрянь пишут, это ведь зло – самая идея заочных курсов, эти лекции пишутся отвратительно по всем специальностям. Тут все повторения, все некрупные вещи...» [19. Л. 26].

В защиту В.Н. Старовского выступил Ястремский, указавший на то, что «Разбор работы Фишера» является статьей, достоинство которой имеет политический характер и связано с реконструкцией статистической науки в советском формате и развенчанием авторитета бывших ее корифеев так называемого буржуазного образца: «В той борьбе, которую нам всем пришлось вести, необходимо было прежде всего эту каменную гору в виде Ирвина, Фишера с тем подголоском, который был у этого Фишера со стороны работников некоторых, необходимо было это преодолеть и “Разбор теории Фишера” является крупной работой, потому что там было сказано, чего стоят эти буржуазные построения в области теории индекса» [Там же. Л. 29].

Далее Ястремский дал пояснение по вопросу причины повторения содержания ряда работ В.Н. Старовского: «В процессе борьбы, когда приходится опрокидывать старые кумиры и создавать новую науку не сразу все хорошо сформулируешь. В частности, доклад его, который был в Коммунистической Академии, – это были тезисы, которые представляли первую попытку оформить разрозненные попытки опрокинуть старый кумир. Потом в дальнейшем этот доклад был оформлен в виде статьи и получил законченный вид. В тех работах, которые дальше упоминаются, этой работе придан характер методический для того, чтобы сделать ее учебником» [Там же. Л. 30].

Статистическая наука в СССР в начале 1930-х гг. нуждалась, по словам Я.Н. Шпильрейна, в «первоначальном накоплении», и при том положении, когда «фронт <...> очевидно очень ограничен и можно всех перечислить по пальцам одной руки», кафедры статистики в советских ВТУЗах остро нуждались в новой профессуре при ситуации, когда так называемая «старая» профессура больше не соответствовала новому утверждавшемуся формату статистической науки. Будучи доцентом, В.Н. Старовский руководил сразу двумя кафедрами в двух учебных заведениях – в Плановой Академии и в Институте красной профессуры. Указанные обстоятельства настойчиво диктовали решение в пользу утверждения В.Н. Старовского в звании профессора. Однако за утверждение В.Н. Старовского в профессорском звании проголосовали только три члена Комиссии [Там же. Л. 26].

Главной целью создания советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров в целом и ВАК как ее составляющей было решение не идеологической, а практической задачи – аттестация кадров, необходимых для подготовки ими специалистов, отвечающих требованиям социалистической реконструкции народного хозяйства – инженерно-технического, строительного, механико-машиностроительного, технологического, сельскохозяйственного и других промышленно-хозяйственных профилей.

Еще одной особенностью работы ВАК первого состава является интернациональная ориентированность членов комиссии, открыто и с большой готовностью поощрявших международные связи советских ученых с зарубежными коллегами. Публикации на иностранных языках высоко ценились, а их наличие в ряде случаев становилось определяющим аргументом при принятии положительного решения. В частности, при рассмотрении кандидатуры математика В.К. Туркина член Комиссии Я.Н. Шпильрейн заявил: «О том, что его работы имеют большое научное значение, свидетельствует помещение их в заграничной печати, в частности, в органе Парижской академии наук» [20. Л. 17].

Анализ протоколов заседаний ВАК за 1934 г. показывает, что авторами иностранных публикаций были, в подавляющем большинстве случаев, молодые кандидаты в возрасте от 21 до 35 лет. Основным языком публикаций являлись немецкий и французский при некотором приоритете первого. Так, у представителя от кафедры «термическая обработка, металлография» В.С. Меськина насчитывалось всего 17 работ, из которых 7 статей были напечатаны на немецком языке. Основной считалась его монографическая работа, изданная в Берлине в 1932 г. [21. Л. 67].

Представитель кафедры «Физической и коллоидной химии» Е.Н. Гапон имел 70 работ, из которых 10 были также на немецком языке [Там же. Л. 59].

Наглядное представление о соотношении иностранных языков в научном использовании может дать список публикаций представителя кафедры истории архитектуры Архитектурно-строительного института г. Москвы Алпатова, который в 31 год после окончания филологического факультета МГУ в 1921 г. успел побывать в заграничных командировках в таких странах, как Турция, Германия, Франция и Италия. Из его 34 научных публикаций 13 работ были представлены на немецком языке (две из них – монографии, изданные в Германии), 4 работы изданы на французском и 2 – на английском языках [Там же. Л. 85].

Таким образом, говоря о первых годах деятельности ВАК (с 1933 по 1935 г.), необходимо отметить, что для советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров не была характерна строго централизованная структура. В ее функционировании заметным было присутствие общественно-научного компонента, при котором право на присвоение ряда званий и степеней было предоставлено советам высших учеб-

ных и научно-исследовательских учреждений либо полностью самостоятельно, либо при утверждении квалификационных комиссий соответствующих народных комиссариатов. Высшая аттестационная комиссия занималась только присвоением звания профессора и присуждением степени доктора.

Также о Высшей аттестационной комиссии первого состава можно говорить как о демократической модели. Это относится и к самой советской науке данного периода, которая носила интернациональный и открытый характер, выражавшийся в активной публикации научных статей ее представителей в международных журналах и осуществлении заграничных научных командировок.

Ситуация стала постепенно меняться с 1936 г. Технически ВАК перешла в ведомство Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) при Совете народных комиссаров СССР, в то время как ВКВТО был ликвидирован, а ее председатель Г.М. Кржижановский был отстранен от должности. Его место занял Иван Иванович Межлаук, который в своей программной речи на заседании ВАК 2 декабря 1936 г. настойчиво призывал членов Комиссии к проявлению политической бдительности при аттестации научных и научно-педагогических кадров [22. Л. 81]. Начавшийся поиск внутренних врагов привел к закрытию доступа к получению степеней и званий для так называемых неблагонадежных лиц. В качестве примера можно привести кандидатуру С.П. Фридолина, чье дело должно было рассматриваться на заседании ВАК 5 марта 1937 г. Однако 24 февраля этого года в газете «Правда» была опубликована статья, посвященная злодеяниям немцев в годы Гражданской войны на Украине, и С.П. Фридолин был представлен в ней как коллаборационист. Основанием стал документ за его подписью о поставках скота немецким захватчикам [23. Л. 39].

Кандидатуру С.П. Фридолина с рассмотрения сняли, также был поставлен вопрос о возможности его дальнейшей работы в высшей школе. Резкое порицание вызвало в связи с этим делом поведение директора сельскохозяйственного института, принявшего С.П. Фридолина на работу, и Совета института, который ранее провел его профессором и кандидатом наук без защиты диссертации. Главное обвинение этих последних фигурантов так называемого «дела Фридолина» – отсутствие проявления бдительности при знакомстве с биографией С.П. Фридолина. Продолжительное выступление по этому поводу сделал зам. Председателя ВАК Волынский: «Дело в том, что вся эта история приобретает совершенно особый привкус в связи с тем, как это выяснилось сейчас и как это несложно было выяснить и раньше о человеке, который в свое время входил в соглашение с оккупантами и продавал свою собственную родину. Принимая во внимание это обстоятельство, я позволил себе снять это дело с рассмотрения экспертной комиссии, поскольку здесь экспертиза не нужна, но мне кажется, что нам нужно

сделать некоторые выводы. Во-первых, в отношении директора института, который пригласил человека такой квалификацией. Совет провел его профессором и кандидатом наук без защиты диссертации, что является совершенно недопустимым, поскольку Совет должен был поинтересоваться его научными работами и, само собой разумеется, несколько поинтересоваться его биографией. <...> Если бы бдительность заключалась только в том, чтобы читать анкеты, то ни одного врага не осталось бы. Все-таки директору сельскохозяйственного института <...> неудобно не понимать этого, и я даже убежден, что он это понимает. Но он мимо этого дела пошел и не заглянул в самые элементарные анкеты. А поинтересоваться можно было...» [23. Л. 39–40].

Несколько изменилось отношение членов ВАК к заграничным публикациям кандидатов. Если в 1934 г. длинный список работ, изданных на иностранном языке, однозначно оценивался как положительная характеристика научного авторитета автора, то при работе ВАК под председательством И.И. Межлаука предпочтение иностранных издательств отечественным стало вызывать нескрываемое раздражение. (Таким образом, изменение отношения к заграничным публикациям произошло не в 1938 г. как на это указывают В.С. Парсамов и А.В. Шалаева [10. С. 34], а уже в 1937 г.)

Показательным в этой связи является обсуждение представленного Физико-техническим институтом г. Ленинграда М.П. Бронштейна, у которого не оказалось ни одной работы на русском языке. Во время заседания было озвучено, что подобное положение характерно для всей физико-технической группы данного института. И в целом для всех физиков является «распространенным в категорической форме убеждение, что стоит публиковать работы только в иностранных журналах» [24. Л. 81].

По поводу оценки факта наличия активного издания советскими исследователями за границей своих работ членов ВАК объединяло полное единодушие в необходимости повлиять на подобное положение законодательным путем. А.Д. Архангельский высказался за наложение полного запрета на подобного рода публикации. Л.К. Мартенс занял несколько более сдержанную позицию, порекомендовав официально указать на необходимость «прежде всего печатать работы у нас, а потом уже переводы за границей» [Там же].

Всеобщее возмущение поставило получение М.П. Бронштейном искомой степени под угрозу. Заключение в конце заседания сделал председатель комиссии И.И. Межлаук, выразив общее мнение коллег: «Можно сделать такое замечание и в публикации протокола нашего заседания в ЗКП (законопроекте. – Г.К.) и указать, что степень дана, но обращаем внимание молодняка, что этого делать не нужно» [Там же. Л. 82].

Сталинская политика 1937 г. отразилась на характере деятельности ВАК с точки зрения стремления ее членов очистить научно-преподавательское сообще-

ство от инертных элементов. В рамках решения этого вопроса существенно изменилось отношение членов комиссии к старым специалистам, имевшим значительные заслуги перед обществом в прежнее время, но утратившим свою научную активность в настоящем.

Так, развернулись активные споры вокруг кандидатуры Б.И. Угримова, представленного Нефтяным институтом им. Академика Губкина и Инженерно-экономическим институтом города Москвы с ходатайством о присвоении степени доктора технических наук без защиты диссертации.

На протяжении своего почти 40-летнего стажа работы в области электротехники Б.И. Угримов занимал высокопоставленные посты: 1921–1923 гг. – заместитель председателя Государственной комиссии по электрофикации России (ГОЭЛРО), 1931–1932 гг. – начальник технического отдела и заместитель главного инженера «Уралэнергостроя», 1933–1934 гг. – консультант «Наркомвоенмора».

Что касается педагогической деятельности, то она также была чрезвычайно активной, начавшись еще в 1900 г. Относительно нее следует добавить, что Б.И. Угримов являлся пионером в области насаждения в Московских вузах электротехники, начав первым преподавание электротехники в Москве. Его научные работы могут считаться в ряде случаев положившими основу для развития электротехнических устройств, имевших важное значение в электротехнике. Так, удостоенная на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. серебряной медали модель «Электрический котел» (с дуговым подогревом) получила дальнейшее развитие и широкое применение в котлах с электрическим подогревом [23. Л. 158].

Вместе с тем среди членов комиссии не было единодушного мнения по поводу рассматриваемой кандидатуры. Это было связано с прекращением Б.И. Угримовым прежней активной научной деятельности. В решении Энергетической группы ГУМС за 1935 г., которое было передано ВАК, констатировалось, что за последние 15–20 лет Б.И. Угримов не дал оригинальных научных работ, а его труды по изданию учебников, которые при переизданиях не претерпели капитальных обновлений, в значительной степени утратили то значение, которое они имели в свое время [Там же. Л. 159].

А.М. Беркенгейм обратил внимание комиссии на то, что в прошлом Б.И. Угримов считался одним из передовых людей, и в возрасте 67 лет к нему не следует предъявлять требования, как к 40-летнему. Но даже Беркенгейм признал, что в настоящее время Б.И. Угримов «действительно, бездельничает». В том же духе выступил Я.Н. Шпильрейн, в завершении указав на потерю квалификации кандидата к настоящему времени: «Борис Иванович получил звание профессора – перестал работать и его даже нельзя считать образованным электриком. У нас нет никаких оснований его обижать и если мы в мягкой форме отклоним его

утверждение доктором, то ничего страшного не будет. <...> Со мной говорил один декан, у которого Угримов работает, что трудно с ним работать, потому что он очень отстал» [23. Л. 21–22].

В результате было решено, что «советская степень – это советская степень и давать ее за старые заслуги нельзя, – тогда проще было бы переименовать старые степени». Также было обращено внимание на опасность, которую может представлять собой инертный человек, оказавшись на начальственной должности, что послужило еще одним аргументом против присуждения Б.И. Угримову докторской степени. Данную позицию выразил Б.А. Келлер, заявив: «Часто люди, перестающие работать, тем не менее занимают ответственные кафедры и фактически омертвляют их. Я считаю, что остановка роста для ученого – это по существу смерть, а когда мертвый человек занимает высокий пост в науке, то он может быть только вредным. Наша задача в основном выдержать принципиально правильную линию. Конечно, при этом будут обиды» [Там же. Л. 23].

Об естественности кадровой ротации, обратившись к зарубежному западному опыту, сказал С.Б. Волынский, указав на то, что «на кафедры в большинстве стран избирали на определенные сроки, а после этих сроков вновь объявляли конкурс» [Там же].

В условиях форсированной модернизации всякое замедление и стагнация воспринимались членами Комиссии довольно остро и в вопросе научного развития надежды стали связываться прежде всего с молодежью. Очевидно, что для членов ВАК звание воспринималось не как средство вознаграждения за былые заслуги, а как инструмент для стимулирования к дальнейшему развитию научного творчества ее обладателя. «Ученая степень в наших условиях никак не может быть премией за отсталость», – заметил С.Б. Волынский. Далее он заявил о недопустимости присуждения степени за прошлые заслуги в том случае, если кандидат перестал проявлять научную активность и предложил обратить их в пользу той молодежи, которая демонстрирует необходимый научный потенциал и энергичность. Противная ситуация, с его точки зрения, являлась недопустимой: «Получается такое положение: рядом стоит человек, который только что сделал крупную работу и продолжает делать дальше, а тут человек, который остановился полтора десятка лет тому назад. С точки зрения науки этого нельзя допускать, не говоря уже об интересах воспитания молодежи, не с точки зрения интересов государства и общества мы не можем закрепить ту отсталость, которая там есть. <...> В отдельных случаях, там, где имеется отсталость, так как мы докторские степени не даем, то преимущество будет иметь какой-нибудь молодой доктор» [Там же. Л. 23–24].

Таким образом, присуждая степень одним и отказывая в ней другим, члены аттестационной комиссии принимали свое посильное участие в процессе модер-

низации страны, руководствуясь в качестве критерия отбора готовностью самого кандидата активно участвовать в модернизационном процессе.

Повышение внимания к качественной стороне вопроса было связано с тем, что, «залатав бреши» в вопросе обеспечения высших учебных заведений необходимыми кадрами, члены Комиссии осознавали: высшая школа продолжает по-прежнему находиться на недостаточном высоком уровне своего развития при ситуации, когда, по признанию С.Б. Волынского, 75% кафедр заняты малоквалифицированными людьми [25. Л. 38]. Представители ВАК выражали обеспокоенность тем фактом, что проникновение в вузы большого числа посредственных преподавателей оказывало пагубное влияние на преподавание дисциплин и уровень подготовленных выпускников, поскольку низкое качество работы таких «сереньких преподавателей», со слов Б.А. Келлера, «снижает работу высшей школы, когда человек сам не владеет наукой» [23. Л. 28].

Тем не менее, хотя в целом ВАК наметила тенденцию в сторону ужесточения требований к кандидатам, по отношению к отдельным специальностям ей приходилось по-прежнему придерживаться пониженных критериев, присуждая звание профессора без защиты докторской диссертации. Так, представленный кафедрой сопротивления материалов Индустриального института города Горький кандидат Н.А. Семенов получил шесть лет назад звание исполняющего обязанности профессора с обязательством в течение двух лет выполнить докторскую работу. Н.А. Семенов данное обязательство не выполнил, предоставив комиссии ряд работ, которые оказались не соответствующими уровню докторской диссертации [26. Л. 266].

Это заставило членов ВАК задуматься о стратегии своих действий в подобных случаях. Были предложены две линии поведения, различные по уровню своей жесткости по отношению к кандидату – отклонить или пойти на повторное утверждение. В пользу первого решения было высказано опасение в продолжение снижения эффективности присвоения этого звания как инструмента к побуждению написания докторских диссертаций.

Противоположная позиция опиралась на факт сохранения острого кадрового дефицита по отдельным специальностям. Эту позицию ярко представил заместитель председателя Ш.М. Дволайцкий: «Нам приходится все-таки сообразоваться с обстоятельствами. Если речь идет о математиках, которых у нас более-менее достаточно. В одной Москве столько математиков, что можно обслужить половину наших учебных заведений или несколько малых стран. Но когда мы сталкиваемся с сопоставлением материалов, то у нас исключительные трудности. Пройдет еще несколько лет, и эта кафедра подготовит, сейчас этих людей недостаточно и нам приходится следить за тем, чтобы преподавали люди достаточно квалифицированные и грамотные, хотя бы даже у них не было самостоятельных работ,

т.е. доценты или и.о. Если через два года народ подрастет, мы тогда будем нажимать на категорию и.о., если нет – придется продлевать, потому что нельзя оставлять кафедру пустой, когда есть человек, который может преподавать» [26. Л. 266].

Последующие размышления коллег по поводу преодоления стоящей проблемы в сфере сопротивления материалов были лишены какого-либо оптимизма, что связывалось с отсутствием прочной экспериментальной базы наподобие той, которая уже существовала к этому времени в физике. «Если вы обратитесь к физике: откуда появилось такое огромное количество докторов физики?», – задал резонный вопрос Б.Г. Галеркин. И сразу на него ответил: «Физики появились только на почве экспериментальной. Пока в области сопротивления материалов и строительной механики не будет настоящей экспериментальной базы, до тех пор ожидать, что мы получим приличных профессоров в большом количестве, нельзя. Конечно, у нас есть несколько и будет, безусловно, больше, чем сейчас, потому что кое-что делается в этом отношении, но ожидать большего количества нельзя. Нужно отдавать себе ясный отчет, что мы крайне бедны в отношении экспериментальной базы, т.е. у нас положительно нет этой базы, потому что те лаборатории, которые у нас имеются, они еле дышат, а построить лаборатории крайне дорого» [Там же. Л. 268].

В итоге Б.Г. Галеркин внес радикальное по своему характеру заявление, предложив и вовсе отказаться от требования предоставления диссертационных исследований по рассматриваемой и подобной специальностям, восстановив, по сути, отмененное дореволюционное звание адъюнкт-профессора: «Мы должны, конечно, требовать большего уровня, но все-таки мы должны отдавать себе отчет, чего мы можем ожидать и что можно получить. В отношении звания и.о. профессора я давно пришел к заключению, что эти и.о., которые мы даем, это, по существу, вечные и.о. Я стою на точке зрения, что их нужно освободить от этого мучительного состояния <...> и не требовать от них большего» [Там же].

Признав тяжелое положение по указанной специальности и приняв решение об утверждении Н.А. Семенова в звании и.о. профессора, Комиссия, тем не менее, решила оказать на него некоторое давление и постараться побудить к написанию диссертации: написать личное письмо от имени Комитета по высшей школе с просьбой дать объяснение, что ему мешает сделать эту работу [Там же].

Сталинские «чистки» затронули также и членов Высшей аттестационной комиссии. В первую очередь, самому И.И. Межлауку было предъявлено обвинение во вредительстве, разрушении экономики и подрыве обороноспособности страны. 1 декабря 1937 г. он был арестован, а 25 апреля 1938 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. В газете «Правда» развернулась кампания по обви-

нению ВАК при председательстве И.И. Межлаука в излишнем либерализме, что привело к сокращению численности комиссии с 33 до 23 человек. В 1938 г. численность ВАК вновь увеличилась и достигла 35 человек. Таким образом, была совершена частичная ротация состава Комиссии. Показательно, что при ее обновлении в новый состав вошел Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский, который с 1933 по 1938 г. выступал государственным обвинителем на крупнейших судебных процессах, в том числе по делам «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» (1936 г.), «параллельного троцкистского центра» (1937 г.), «объединенного антисоветского правотроцкистского блока» (1938 г.). [27. С. 6].

В конце 1937 г. ВКВШ и ВАК ВКВШ возглавил Сергей Васильевич Кафтанов. Главной тенденцией в 1938 г. становится все большая централизация системы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Так, постановлением СНК СССР от 26 апреля 1938 г. были упразднены квалификационные комиссии наркоматов, и их функции были переданы экспертным комиссиям ВАК ВКВШ, куда дела поступали с определенным поручением ВАК о присвоении того или иного звания или степени [28. Л. 62].

Таким образом, наркоматы утратили право самостоятельного утверждения звания доцента и рассмотрения кандидатур на звание профессора, передав эту функцию экспертным комиссиям ВАК. К тому же, согласно этому постановлению, решения советов высших учебных заведений и НИИ о присуждении ученой степени кандидата наук являлись окончательными, а решения о присуждении ученой степени доктора наук теперь уже представлялись на утверждение ВАК [29. С. 190].

Судя по документам, первоначально экспертные комиссии пытались проявлять некоторую инициативность. Однако в 1939 г. состоялся инцидент, который способствовал установлению системы жесткой подчиненности экспертных комиссий ВАК. 5 февраля комиссия рассматривала апелляцию группы профессоров-математиков Академии наук СССР на решение ВАК от 28.09.1935 г. об утверждении М.М. Гернет в ученом звании профессора по кафедре теоретической механики Томского индустриального института. Ей предшествовала громкая кампания в печати. В частности, в газете «Правда» было заявлено о том, что степень кандидата наук присвоена М.М. Гернет обманным путем, а в статье, опубликованной в Вестнике Академии наук, последний и вовсе был назван «очковтирателем» [28. Л. 69, 76, 368].

Предварительно (без поручения со стороны ВАК) дело М.М. Гернет было рассмотрено на экспертной комиссии по теоретической механике, которая постановила, что не находит основания к присуждению М.М. Гернету ученой степени кандидата технических наук, а также присвоения ему ученого звания профессора в связи с полным отсутствием выполненных самостоятельных работ [Там же. Л. 371]. Таким образом, экс-

пертная комиссия выступила с инициативой лишить М.М. Гернета имеющихся у него звания и степени.

В этот день члены ВАК провели тщательное расследование инцидента, заслушав как представителей экспертной комиссии, так и самого М.М. Гернета. В результате выяснилось, что развернувшаяся кампания была инициирована академиком Бермонтом, с которым у М.М. Гернета был продолжительный конфликт на научной и педагогической почве. Комиссия ознакомилась также с материалами, которые характеризуют в научном отношении самого Бермонта, и на основе этого приняла решение поставить вопрос о лишении его профессорского звания. Этот конфликт двух математиков Комиссия решила использовать в назидательных целях: обществу было продемонстрировано, насколько небезопасно выступать против решения ВАК: обструкции были подвергнуты члены экспертной комиссии по теоретической механике за нарушение сопряженности ВАК – экспертная комиссия, согласно которой дела должны поступать в порядке от первого к последнему, а не наоборот.

Показательно, что заключительное и весьма продолжительное по времени выступление принадлежало А.Я. Вышинскому, который сказал следующее: «Если мы будем придерживаться иного пути, то ранее вынесенное решение, правильные по составу и без элементов злоупотребления, – будут ежедневно ставиться на ревизию. Что же получается? А получается то, что достаточно 3–4... 23-м лицам <...> возвестить о том, что решение авторитетного органа, каким является ВАК, неправильно, как будет предоставлена для этого печать, страницы газет и т.д.

Я считаю, что ВАК должна поставить вопрос перед соответствующими органами о таком легкомысленном отношении к переоценке решений ВАКа по присвоению ученых степеней и званий. Иначе это многих может поставить на путь весьма тяжелых осложнений: на путь, когда нам придется потерять людей, которые могли бы быть соблюдены для нашей отчизны, для нашей родины» [Там же. Л. 100–101].

Подобное действие, очевидно, должно было способствовать укреплению авторитета Высшей аттестационной комиссии. Однако одновременно оно несло в себе также тенденцию к снижению активности взаимодействия государственного и общественно-научного компонентов.

Большая строгость стала предъявляться к претендентам на получение званий и степеней. 23 сентября 1938 г. ВКВШ была утверждена инструкция «О порядке применения постановления СНК СССР от 20 марта 1937 г. и 26 апреля 1938 г. “Об ученых степенях и званиях”». В качестве диссертации могли быть предоставлены опубликованная или неопубликованная работа или высококачественный учебник для высшей школы. Но при существовании данных допущений ВАК при возможности все же пыталась побудить кандидатов выходить на защиту. На одном из заседаний член комиссии Крыленко поставил прямой вопрос: «Что такое

доктор без защиты диссертации? Либо это ввиду особых обстоятельств, исключительных трудов, либо другое: когда у вас имеется достаточно оснований, но исключена объективная возможность защиты (возраст и пр.). Но, если нет ни первого ни второго, то принципиально должна быть одна установка: всякая новая диссертация или даже старая, но защищенная, – есть всегда плюс» [30. Л. 54].

Также ВАК продолжила работу по выявлению инертных в научном отношении людей, отказывая им в получении искомой степени или звания. Ярким примером здесь может быть персону В.Ф. Боброва, которого Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе выдвинул на звание профессора. В личном деле В.Ф. Боброва было указано на солидный производственный стаж кандидата и восемнадцатилетний педагогический стаж, был дан перечень работ и заявлено о разработке им ряда проектов. За ним закрепился авторитет «крупнейшего инженера» по вопросам планирования авиационного производства [28. Л. 45].

Если бы ВАК имела в своем распоряжении исключительно формальное представление о В.Ф. Боброве в виде печатных листов из его дела, то шансы получить звание у него были достаточно большие. Однако в комиссии состояли представители, которые сами непосредственно работали в МАИ, и они сумели опровергнуть претензии этого кандидата на профессорское звание. Оказалось, что на деле указание на наличие педагогического стажа не имело под собой основания, поскольку за все время работы В.Ф. Бобров в институте не прочел ни одной лекции по своему курсу, приглашая для этого дополнительно специалистов.

Что касается производственного стажа, то все перечисленные должности по факту не содержали в себе настолько серьезной ответственности, как это представлял кандидат. Присутствовавший на заседании представитель экспертной комиссии по самолетостроению Б.М. Земский следующим образом разоблачил производственные достижения В.Ф. Боброва: «С 1911 по 1913 г. он был дежурным инженером на Киевском Водопроводе. Так как этот водопровод был только что построен, делать было там нечего. В военное время т. Бобров был мобилизован и работал на авиационной базе: значительного ремонта самолетов в то время не производилось, и эта авиационная база занималась лишь транспортировкой самолетов на фронт и с фронта» [Там же].

Опубликованные работы В.Ф. Боброва также не представляли никакой научной ценности. Его книга «Основы производства самолетов», изданная в 1921 г., состояла из ряда статей отдельных авторов, и В.Ф. Бобров был ее основным редактором. Но в любом случае эта книга не имела отношения к современному самолетостроению конца 1930-х гг.

Характеристика В.Ф. Боброву была отрицательная: «Получается следующая картина. Человек долгое время работал в вузах и занимал ряд ответственных долж-

ностей, но в то же время ничего не дал. <...> В этом деле у нас борются два начала: с одной стороны, человек имеет необычайно профессорскую внешность, но когда подходишь к этому вопросу объективно <...>, то приходишь к выводу, что те прорывы, о которых говорил в своей работе М.М. Каганович, а именно, что студенты не умеют работать на станках, не знают, как обращаться с инструментом и т.д. и т.п., — имеют корни именно здесь» [28. Л. 49].

К концу обсуждения кандидатуры В.Ф. Боброва члены комиссии пришли к выводу, что последний не только не имеет основания на получение звания профессора, но и продолжение его пребывания на посту заведующего кафедрой «основы производства» МАИ является для института крайне вредным. Решение о судьбе В.Ф. Боброва было вынесено в следующей манере: «Мы, конечно, можем пожалеть Боброва и дать ему звание доцента, но вместе с тем мы должны пожалеть и МАИ, потому что, если Бобров останется там работать, имея звание доцента, то толку от этого не будет; будет лишь один вред. И поэтому мы решили пожалеть... МАИ!» (в зале смех) [Там же].

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что в довоенный период существования Высшей аттестационной комиссии, когда от ее решений во многом зависело развитие науки и высшей школы страны, а следовательно, результаты процесса модернизации, ее члены не ограничивались формальным отношением к возложенным на них обязанностям. Анализ протоколов заседаний показал, что представители Комиссии часто выходили за рамки обсуждения дела конкретного кандидата и затрагивали массу проблем, решение которых влияло не только на эффективность научной работы, но и на организацию структуры высшей школы. ВАК сопровождала свою непосредственную деятельность предложениями по созданию или упразднению определенных кафедр, улучшению качества подготовки конкретных специалистов и т.д. Обо всех выявленных недочетах ВАК сообщала наркоматам и Совнаркому, что позволяло корректировать модернизационный процесс, обеспечивая его требующимся контингентом специалистов. При этом члены Комиссии были избавлены от предубеждений, связанных с молодостью исследователя в случае проявления им незаурядных способностей. Само звание или степень рассматривались членами ВАК в первую очередь как инструмент для стимулирования научной активности ее обладателя, а не в качестве признания былых заслуг. Страна находилась в процессе форсированной модернизации, и аттестационная система воспринималась членами ВАК как инструмент для поддержания необходимого высокого темпа ее проведения.

Можно говорить о том, что задачи, которые решала ВАК в период с 1933 по 1936 г. и с 1937 по 1940 г., несколько отличались друг от друга. В первые годы основная проблема заключалась в создании и утверждении правовой основы аттестационной системы, при-

званной обеспечить «первоначальное накопление» профессорско-преподавательского состава в научных учреждениях и высших учебных заведениях. На втором этапе важнейшей становится задача повышения качества исследований и научно-преподавательских работников, перевода количественных показателей в качественные. Эти изменения отразились в требованиях, которые комиссия предъявляла к кандидатам. На начальном этапе они отличались своей мягкостью, ВАК шла на многочисленные уступки и компромиссы при присуждении степеней и званий, признавая, что многие из тех, кто получил квалификационные отличия, им просто не соответствуют. В Положения были введены исключения, дающие, например, право на получение степени без написания и защиты диссертации.

Во второй половине 1930-х гг. возникла потребность в повышении качества научно-педагогических кадров, что привело к повышению требований к кандидатам на получение степеней и званий. Одновременно шел процесс освобождения научного сообщества от «инертных элементов», т.е. специалистов, утративших свою квалификацию и научную эффективность. В данном свете ВАК служила инструментом в борьбе за «очищение рядов» строителей социализма от сомнеющихся и отстающих, от тех, кто тормозил движение страны к светлому будущему.

Для советской системы аттестации научно-педагогических кадров в первые годы ее существования не была характерна строго централизованная структура, которая начала формироваться позже — во второй половине 1930-х гг. На первом этапе значительную роль в деле квалификации высших научно-педагогических кадров играли наркоматы, при которых были созданы квалификационные комиссии. Низовой инстанцией, выдвигавшей кандидата, во всех случаях являлись советы вузов. Однако при присуждении звания доцента и степени кандидата квалификационные комиссии принимали окончательное решение, а при присвоении звания профессора и степени доктора они становились промежуточными организациями, передавая дела на окончательное утверждение ВАК.

Отсутствовала и явно выраженная функция идеологического контроля за наукой, будучи ориентированная на выполнение практической задачи по обеспечению научных и высших учебных заведений необходимыми специалистами. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод об ошибочности представления о государственно-централизованной модели советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров как инструмента «тоталитарного» режима на начальном этапе ее существования. О движении в эту сторону можно говорить начиная с 1936 г.

Также необходимо подчеркнуть, что, будучи связана с наркоматами промышленности, ВАК выступала в качестве действенного связующего звена между наукой и промышленностью, что, очевидно, является утраченным в настоящее время.

Начиная с 1936 г. характер деятельности ВАК начал меняться: новой функцией для нее становится идеологический контроль за наукой. С 1937 г. ВАК больше внимания стала уделять присвоению ученых званий. С 1938 г. все профессорско-доцентские звания и докторско-кандидатские степени перешли под юрисдикцию ВАК, а квалификационные комиссии были упразднены. Вместо них были созданы экспертные комиссии, которые уже не подчинялись наркоматам, а работали по поручению ВАК. Таким образом, правительство превратило аттестационную систему в стройный, подчиненный Совнаркому механизм, значительно урезав долю участия в принятии решений научного сообщества и общественных представителей.

Советская система аттестации научных и научно-педагогических кадров уже успела продемонстрировать свою высокую эффективность в деле развития экономики страны. И именно с этой точки зрения нам представляется первостепенно полезным обращение к собственному опыту, нежели к западноевропейским образцам, к той первоначальной системе аттестации научных и научно-педагогических кадров 1933–1935 гг., которая в дальнейшем была значительно видоизменена и утратила свой демократический общественно-научный характер, который мы пытаемся вернуть за счет обращения к моделям западных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грудцына Л.Ю. Вопросы реформирования системы аттестации научных и научно-педагогических кадров // Правовая инициатива. 2013. № 1. URL: <http://49e.ru/ru/2013/1/11>, свободный (дата обращения: 15.05.2016).
2. Даргын-Оол Ч.К., Захаров Н.В. Об обучении науке: о статусе кандидатских и докторских диссертаций в российском и западном образовании // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 158–166.
3. Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Сов. наука, 1950. 236 с.
4. Заузолков Ф.Н. Коммунистическая партия – организатор создания научной и производственно-технической интеллигенции. М., 1973. 125 с.
5. Гусев К.В., Розов Б.С. Кадры советской науки (К 50-летию советской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров). М., 1982. 64 с.
6. Климов А.Ю. История кандидатских экзаменов в нормативных правовых актах России (1804–2004) : дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 246 с.
7. Выскуб В.Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М.: Логос, 2005. 256 с.
8. Ишанова М.В. Регулирование порядка присуждения ученых степеней в дореволюционный и советский период: Сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2007. 209 с.
9. Кулькина И.В. Правовое регулирование деятельности Высшей аттестационной комиссии СССР в сфере присуждения ученых степеней (1934–1991 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2010. 254 с.
10. Парсамов В.С., Шалаева А.В. ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы. Итоги и перспективы изучения. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2014. 40 с.
11. Сонин А.С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // Вопросы истории, естествознания и техники. 2004. № 1. С. 18–63.
12. Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1991. 560 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8060. Оп. 4. Д. 1.
14. ГАРФ. Р-8060. Оп. 4. Д. 2.
15. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 11.
17. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 15.
18. Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы. URL: <http://www.nir.ru>, свободный (дата обращения: 15.05.2016).
19. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 17.
20. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 10.
21. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 18.
22. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 115.
23. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 132.
24. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 127.
25. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 130.
26. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 123.
27. Материалы к библиографии трудов ученых СССР: Андрей Януарьевич Вышинский / сост. В.Е. Кузятин. М.: Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1941. 32 с.
28. ГАРФ. Р-9506. О. 1. Д. 233.
29. Летопись Министерства образования в области законодательства о порядке подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в России: 1724–2002 : в 4 т. / под ред. Е.А. Корсакова ; сост.: В.Н. Гавва, А.А. Казначеев, Е.А. Корсаков, В.И. Эйдельмант, А.Н. Якушев, Т.А. Якушева. Невинномысск : НГГТИ, 2002. Т. 3, Ч. 1. 340 с.
30. ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 177.

Kornoukhova Gadilya G. Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: kornouh@mail.ru

THE HIGHER ATTESTATION COMMISSION ACTIVITIES DURING THE PRE-WAR PERIOD OF STALINISM.

Keywords: Higher Attestation Commission (VAK); stalinism.

The article deals with the Soviet system of attestation of scientific and scientific-pedagogical staff of pre-war period through the activities of the Higher Attestation Commission (abbreviated as VAK), which was established in 1933 and controlled the awarding of advanced academic degrees and academic ranks in all of the USSR. This revising of VAK history is caused by the topicality of its modernization. Presently West European model of attestation is being extensively discussed in Russian society as more effective and democratic compared with currently existing. We think Soviet experience also deserves to be more carefully examined as a further alternative. The reviewed material has lead to the conclusion that the Soviet system of attestation of scientific and scientific-pedagogical personnel staff was not used as some kind of tool of “totalitarian” regime of Stalinism at the initial stage of its existence. That trend began to ap-

pear since 1936. With regard to period of 1933–1936 years we can consider the system of attestation as a rather democratic model. That also can be referred towards the Soviet science of that period when scientists actively published their scientific articles in international journals and made foreign scientific work trips. During the short period of 1933–1935 years the presence of public and scientific component was notable in the functioning of the attestation system. At that period of time the right of assignment of a number of titles and degrees was granted to councils of higher education institutions and research institutions either completely independently or with the approval of the qualification commissions of adequate People's Commissariats. In this case the Higher Attestation Commission acted as the highest court of cassation, and did not participate at first-hand in the process of assigning of titles and degrees except for doctoral degree and professor rank. What should be particularly emphasized is the role as coordinating center that played VAK in the Soviet era, coupling science with industry. VAK detected scarce specialties and aimed to provide the national economy with experts of economic and industrial sections. This feature has been obviously lost by now. As a result, high-tech sectors of the economy did not receive sufficient quantity of specialists, and scientific researches did not find an entry into the national economic market. In this lost peculiarity of VAK the author sees the main advantage of the Soviet system of certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of the Soviet period, which was also free from the ideological component in the short period of 1933–1935 years.

REFERENCES

1. Grudtsyna, L.Yu. (2013) Voprosy reformirovaniya sistemy attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov [Questions of reforming the system of attestation of scientific and pedagogical personnel]. *Pravovaya iniciativa*. 1. [Online] Available from: <http://49e.ru/ru/2013/1/11>. (Accessed: 15th May 2016).
2. Dargyn-Ool, Ch.K. & Zakharov, N.V. (2004) Ob obuchenii nauke: o statuse kandidatskikh i doktorskikh dissertatsiy v rossiyskom i zapadnom obra-zovanii [About teaching science: on the status of masters and doctorate in Russian and Western education]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 158-166.
3. Sinetskiy, A.Ya. (1950) *Professorsko-prepodavatel'skie kadry vysshey shkoly SSSR* [The professorial in the USSR higher school]. Moscow: Sovetskaya nauka.
4. Zauzolkov, F.N. (1973) *Kommunisticheskaya partiya – organizator sozdaniya nauchnoy i proizvodstvenno-tekhnicheskoy intelligentsia* [Communist Party - the organizer of the creation of the scientific and industrial and technical intelligentsia]. Moscow: [s.n.].
5. Gusev, K.V. & Rozov, B.S. (1982) *Kadry sovetskoy nauki (K 50-letiyu sovetskoy sistemy attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov)* [Personnel of Soviet science (the 50th anniversary of the Soviet system of attestation of scientific and pedagogical personnel)]. Moscow: Znanie.
6. Klimov, A.Yu. (2004) *Istoriya kandidatskikh ekzamenov v normativnykh pravovykh aktakh Rossii (1804–2004)* [The history of PhD exams in the normative legal acts of Russia (1804–2004)]. History Cand. Diss. Pyatigorsk.
7. Vyskub, V.G. (2005) *Rossiyskaya obshchestvenno-gosudarstvennaya sistema attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshey kvalifikatsii* [Russian social and state system of certification of scientific and pedagogical personnel]. Moscow: Logos.
8. Ishanova, M.V. (2007) *Regulirovanie poryadka prisuzhdeniya uchenykh stepeney v dorevolutsionnyy i sovetskiy period: Sravnitel'no-pravovoy analiz* [Regulation of the order of awarding of academic degrees in the pre-revolutionary and Soviet Period: Comparative legal analysis]. Law Cand. Diss. Elets.
9. Kulikina, I.V. (2010) *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Vysshey attestatsionnoy komissii SSSR v sfere prisuzhdeniya uchenykh stepeney (1934–1991 gg.)* [Legal regulation of the activities of the USSR Higher Attestation Commission in the awarding of academic degrees (1934–1991)]. Law Cand. Diss. Pyatigorsk.
10. Parsamov, V.S. & Shalaeva, A.V. (2014) *VAK i problemy nauchnoy attestatsii v SSSR v 1930-e gody. Itogi i perspektivy izucheniya* [Higher Attestation Commission and the problem of scientific validation in the USSR in the 1930s. Results and prospects of the study]. Moscow: HSE.
11. Sonin, A.S. (2004) VAK SSSR v poslevoennyye gody: nauka, ideologiya, politika [The USSR Higher Attestation Commission in the post-war years: Science, ideology, politics]. *Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 18-63.
12. Yaroshevsky, M.G. (ed) (1991) *Repressirovannaya nauka* [Repressed Science]. St. Petersburg: Nauka.
13. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-8060. List 4. File 1.
14. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-8060. List 4. File 2.
15. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 1.
16. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 11.
17. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 15.
18. Kozlova, L.A. (2001) "Bez zashchity dissertatsii...": Statusnaya organizatsiya obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935 gody ["Without the protection of the thesis ...": The status the organization of the social sciences in the USSR, 1933–1935]. [Online] Available from: <http://www.nir.ru>. (Accessed: 15th May 2016).
19. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 17.
20. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 10.
21. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 18.
22. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 115.
23. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 132.
24. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 127.
25. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 130.
26. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 123.
27. Kuzyatina, V.E. (ed.) (1941) *Materialy k bibliografii trudov uchenykh SSSR: Andrey Yanuar'evich Vyshinskiy* [Materials for bibliographies of Soviet scientists: Andrey Vyshinsky]. Moscow: All-Union Book Chamber.
28. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 233.
29. Korsakov, E.A. (2002) *Letopis' Ministerstva obrazovaniya v oblasti zakonodatel'stva o poryadke podgotovki nauchnykh kadrov i prisuzhdeniya uchenykh stepeney v Rossii: 1724–2002 : v 4 t.* [Annals of the Ministry of Education in the field of legislation on the procedure for the preparation of the scientific staff and the awarding of academic degrees in Russia: 1724–2002. In 4 vols]. Vol. 3(1). Nevinnomyssk : NGGTI.
30. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF) Fund R-9506. List 1. File 177.